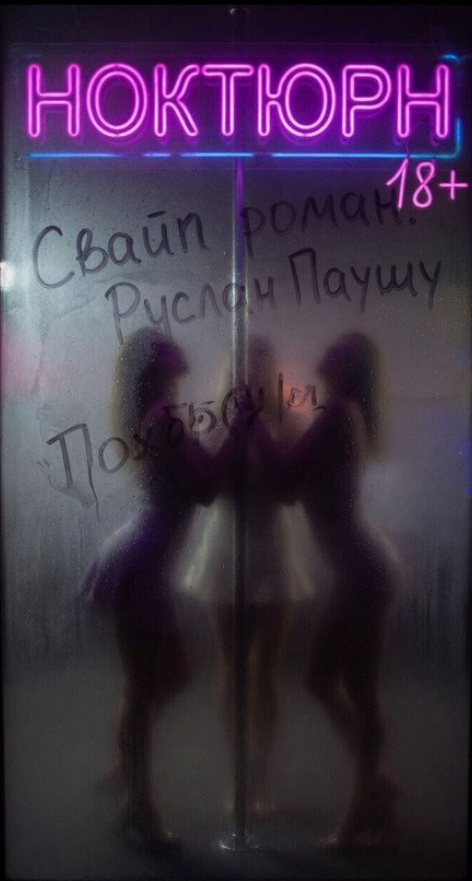

18+

НОКТЮРН

Свайп роман. ¹⁸⁺
Руслан Паушу

Похожий

Руслан Паушу

Ноктюрн. Свайп-роман

<https://litres.ru/73874608>

ISBN 9785006992542

Аннотация

Петербург, осень 1995-го. В одной гримёрке стриптиз-клуба на Литейном — три женщины: Людмила, сорок, бывшая цирковая, держит чужой секрет десять лет; Маргарита, тридцать, звезда зала и подруга директора; Катя, двадцать, вчерашняя школьница из Выборга. На крайнем зеркале висит чёрно-белая фотография девочки — никто не знает, кто на ней. Пока в клуб не приходит молодой следователь по чужому делу и не упирается в то самое имя.

Ноктюрн. Свайп-роман

Руслан Паушу

© Руслан Паушу, 2026

ISBN 978-5-0069-9254-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпиграф (август 1996)

Перед дверью в коридоре УВД Центрального района — бежевая краска, лампочка в плафоне жужжит. На двери табличка «Рязанцев И. В.». Люся стоит, взявшись за ручку. Десять лет молчания упираются в эту латунную ручку.

Полминуты — стоит. На пальце под белым обручального следа давно нет, но кожа всё ещё помнит. Так и сейчас, наверное: рот молчит, тело знает.

Открывает.

Гримёрка, август 1995

Десять зеркал — Катя считает, пока идёт по гримёрке. Десять. На стене старые афиши — Алла Пугачёва-87, конкурс Шаляпина, реклама пива «Балтика». В углу — гримёрный стол, заваленный кистями, тушью, баночками. Запах: помада, сигареты, дешёвый дезодорант.

— Это Людмила, — говорит Лена. — Это Марго. Не бой-

ся, они нормальные.

Людмила сидит у крайнего зеркала, пришивает чёрной ниткой бретельку к блестящему боди. Не поднимает глаз. Маргарита у окна — крупная, в халате, дымит «Парламентом», стряхивает пепел в фарфоровое блюдце с трещиной. Смотрит на Катю долго. Молча оценивает.

— Вешалка твоя — крайняя, — говорит наконец Маргарита. — Со вторника эта была Никина, она съехала. Вешалка хорошая. Не теряй ничего на ней.

Десять отражений

Катя стоит спиной к двери, лицом — к зеркалам. Она боялась этого момента всю неделю, с тех пор как Лена в «Макдональдсе» тронула её за рукав: «Девочка, ты что плачешь, кому помочь?». И вот стоит, тонкая, в джинсах, в свитере с плечом-вырезом, светло-русая, немного сутулая. Волосы — пучком. Без макияжа. Глаза серо-зелёные, веки красные.

В зеркалах их десять, Кать. Десять одинаковых.

Лена сзади:

— Я через час вернусь. Будут переодевать, не пугайся, всё нормально.

Шаги уходят. Дверь закрывается.

Маргарита из угла:

— Сядь. Долго стоять — устанешь.

Катя садится. Людмила, не глядя на неё, кладёт перед ней стакан воды.

В углу одного из зеркал — серое, в коричневых пятнах

от старого скотча, — приклеена маленькая фотография. Девочка, года двадцать два, в белом, смеётся. Катя её не видит. Никто не видит. Фотография висит уже десять лет.

Тамара

Тамара заходит из бокового коридора с кисточкой в одной руке и кистью с тенями — в другой. Шестьдесят два года, седые волосы под платок, очки на цепочке, вязаная кофта поверх форменной чёрной блузы. В клубе её называют «бабушкой Тамой» — она сама не возражает.

— Девочка моя. Слушай. Сейчас будет страшно. Ты дыши и слушай. Глаза вот так — закрыли. Так. Не моргай. Ещё. Хорошо.

Запах туши. Холодный мазок воды на скуле. Тамара пахнет ландышем и хозяйственным мылом одновременно — Катя думает: «У бабушки в Выборге тоже так пахло». Думает и сглатывает.

Маргарита у окна гасит сигарету:

— Тамар, добавь ей блёсток. Чтоб не вылетала на сцене серой пуговицей.

Тамара, не отрываясь от Катиного века:

— Пусть будет, какая есть. Маргарита Александровна. Не учи бабушку.

Раковина

В раковину — тошнит. Желудок выворачивается одним рывком, без разгона. Катя успела добежать. Стоит, держится за края. Зеркало над раковиной маленькое, в нём только её

рот — открытый, мокрый.

Сзади — Людмила, без слов протягивает салфетку. Бумажную, советскую, шершавую. Катя берёт.

— Дыши через нос, — Людмила говорит тихо, на одной ноте. — Раз. Два. Три.

Катя дышит. На третьем «три» немного отпускает.

— Воды, — продолжает Людмила. — Маленькими.

Подаёт стакан. Катя отпивает. Стоит. Стоит ещё. В коридоре уже звенит звонок к выходу. Маргарита проходит мимо, дёрнула Катю за плечо:

— Двигай.

Перед сценой

Кулиса. Тёмно. Звук зала — гул, отбивка ударной, кто-то смеётся в третьем ряду, чей-то мужской голос громко: «Лена, ещё пива!». Катя стоит у занавеса. Между ней и сценой — две секунды.

«Не выйду, — думает Катя. — Не выйду. Сейчас сяду и не выйду».

Из-за спины — голос Людмилы. Тихо, почти на ухо:

— Иди.

Катя идёт.

В гримёрке Людмила, оставшись одна перед зеркалом, медленно сжимает левый кулак. Раз. Два. Три. Старый цирковой ритуал — перед выходом проверить, что рука работает. Катя этого ритуала не видела. И никогда не узнает.

Третья смена

— Катя, к тебе.

Лена кивает в сторону столика номер семь. Катя в платье — алое, открытая спина, юбка до колена. Третья смена. Ноги ещё дрожат, но уже как стол после того, как с него встали.

За столиком — мужчина в серой рубашке. Сорок с чем-то. Бледный. Худой. Перед ним «Балтика номер три», уже початая. Не смотрит на Катю — смотрит в свой стакан.

— Можно? — Катя стоит. — Здравствуйте, — говорит он, не поднимая глаз. — Сядьте. Если можно.

Катя садится. Тишина. Он отпивает. Берёт меню — подчёркнуто медленно, как будто это важнее, чем она:

— Нет, — говорит, подумав. — Я больше ничего. Я уже.

Молчат пять минут. Катя пробует:

— Меня Катей зовут.

Он кивает:

— Я знаю. Я слышал. Меня — Игорь. Но в клубе зовут Карасём. Я... отвечаю. Так быстрее.

Туфелька

В VIP-кабинке полумрак, низкий диван, бархат рыжий, пыльный, столик с бумажными салфетками. Катя стоит. Карась сидит. Музыка — тихая, фоновая.

— Я не буду вас трогать, — говорит он. — Совсем. Я... я хочу попросить странное. Можно?

Катя кивает. Боится отказать.

— Можно я подержу один туфель. Один. Ваш. Минуту.

Катя думает: «Это вот так? Просто туфель?». Снимает ле-

вый. Карась берёт его обеими руками — осторожно, как чужого ребёнка. Подносит к лицу. Дышит. Закрывает глаза. Минуту — ровно, не дольше.

Возвращает. Не смотрит на Катю. Достает из кармана конверт.

— Отдайте Лене. Пусть оформит.

Катя выходит из VIP, в коридоре стоит, ждёт пока перестанет трясти. Лицо у неё горит — Катя не понимает почему. Не от стыда — от чего-то другого.

Гримёрка

— Ну? — Лена поднимает глаза от ведомости. — Карась, — говорит Катя. — А, наш. Каждую среду приходит. — Лена кивает. — Непьющим я его не видала. Тихий. Жалко его, между прочим.

В углу гримёрки Людмила пришивает следующую бретельку. Не поднимает глаз. И не говорит ни слова.

Катя садится на скамью. Думает: «Ну, было и было. Ничего страшного».

И не успевает додумать — Карась уже заказал её на завтра.

Утро в коммуналке

За стеной у соседей — радио. «Эта песня называется чудом — это смех, это мама, это дом!» — Газманов в семь утра в воскресенье. Сосед Анатолий, сорок лет, разнорабочий с Балтийского завода, всегда крутит громко.

Катя в халате на кровати. Кровать узкая, советская, скрипучая. Поверх — плед, который мать дала из Выборга в кон-

верте «на первое время». На плече — складка от подушки. В глазах — ничего.

«Не пойду, — думает Катя. — Сегодня не пойду. Скажу Лене, что заболела. Пойду в Публичку. Запишу лекцию по античности. Зачёт через два месяца, мне же надо. Я не на учёбу не пойду — я в клуб не пойду. Это две разные вещи».

И тут же:

«Соня. Соня Галич. В шестом классе её не было, в седьмом её не было. В десятом она появилась снова — высокая, тонкая. Я её назвала „коняшкой“. Все смеялись. Она ушла из школы в одиннадцатом. Ольга Петровна остановила меня в коридоре. Сказала: „Я надеюсь, у тебя однажды родится дочь“. Я тогда не поняла. Теперь думаю — это было проклятие. Это было материнское проклятие».

Звонит дверной звонок. Раз. Два. Три.

Лена

Лена в дублёнке, мокрая шапка, румяная.

— Кать. Ты не пришла на смену вчера. Олег спрашивал. Ты что, не придёшь больше? — Не знаю, — говорит Катя. — Можно я зайду?

Заходит. Садится на край кровати. Снимает шапку. Под шапкой — каштановый пучок и лоб, на котором сейчас написано «я твоя старшая сестра, давай разбираться».

— Кать. Я тебя привела. На моей совести. Если ты сейчас сорвёшься — я тебе не дам сорваться. Понимаешь? — Я не могу, Лен. — Все первый раз не могут. Я первый раз тоже

думала умру. Через две недели — тоже думала умру. Через месяц — забыла. Это работает. Это даёт деньги. У тебя комната, у тебя университет, у тебя, между прочим, мать в Выборге.

Катя кивает. Кивок не означает согласие — означает «я слышу».

Пальто

Катя в пальто. Бежевое, материнское, восемьдесят восьмого года. Длинное, до колен. Застёгивает пуговицы. Лена ждёт у двери.

— Идёшь? — Иду.

Руки у Кати дрожат — пуговица не попадает в петлю. Катя смеётся: «Ой, дура какая». Смеётся, и руки дрожат сильнее. Лена молчит. Открывает дверь. Они выходят.

В коридоре коммуналки — запах капусты с кухни. Анатолий за стеной всё ещё слушает Газманова: «...это совсем ещё новый отсчёт, это сердце, и в нём столько любви — наша Родина-мать, наша Русь!». Катя думает: какая теперь у неё Родина. Какая теперь мать.

Звук зала

Гул через стену. Бас работает в полу. Катя в гримёрке одна — вышла раньше всех на десять минут. Сидит на скамье в халате, голова откинута к стене, глаза закрыты. Музыка снаружи качает скамью — ничего, просто басс.

Сегодня всё прошло. Карась не пришёл. Ника не пришла. Маргарита была мрачная, но не задевала. Олег один раз за-

глянул в гримёрку, посмотрел на Катю — кивнул. Лена принесла бутерброд с колбасой, Катя съела половину.

«Я работаю, — думает Катя. — Я работаю, и за это мне платят. Это не страшно, если просто работать. Если думать про деньги. Я работаю продавщицей, только продавщица — это я».

Сумка на крючке

Тамара возвращается из туалета, садится у окна.

— Тамар, — Катя открывает глаза. — Можно спросить? — Спроси. — Вон там, — Катя показывает на крайний крючок у двери, — сумка. Чья? Тамара поворачивает голову. Смотрит. Сумка коричневая, замшевая, выцветшая. На ней слой пыли. — Так. Чья-то. — Чья? — Девочки одной. Иры. — Тамара говорит это как самое обычное. — Иры Ждановой. Она работала... давно. С этим клубом мы ещё в Москве работали, с Виктором Валерьевичем. Так. Ну. Сумку забыли снять. — А она где сейчас? — Иры? Нет её. — Тамара помолчала. — Десять лет, Катюша. — Умерла? — Умерла. Снотворного выпила.

После

Катя долго смотрит на сумку. Думает: «Десять лет. Сумка десять лет. Ну, понятно — у каждого клуба своя... своя...». Не договаривает мысль.

В зале гул усиливается — финальный сет, девочки выходят. В гримёрку с шумом вваливается Маргарита, бросает халат на стул:

— Катя, ты тут спишь? Двигай. Закрытие.

Катя встаёт. Идёт.

Сумка остаётся на крючке. И останется до самого финала сезона.

В крайнем зеркале, в верхнем углу, всё ещё держится фотография улыбающейся девочки в белом. В двадцать два. В 1985-м. До снотворного — две недели.

Никто не смотрит наверх.

Бумажки

Утро в клубе. Ноктюрн до открытия — другое место: голые столы без скатертей, барная стойка с поднятыми стульями, запах дезинфекции и вчерашнего табака. На сцене Ленка-уборщик пылесосит дорожку.

В кабинете директора — Олег и молодой человек напротив. Двадцать девять лет, рыжеватый, в очках, в дешёвой рубашке. Папка с тёмно-синей обложкой. На лбу — пот, хотя в кабинете прохладно: молодой человек волнуется.

— Игорь Валентинович Рязанцев, младший следователь УВД Центрального района. — Кладёт удостоверение. — Я по поводу Грушина Вячеслава Анатольевича. Скончался четырнадцатого сентября в гостинице «Европейская», номер триста седьмой. По нашим данным он был у вас вечером тринадцатого. Это так?

Олег пожимает плечами:

— У меня каждый вечер сто человек. Не помню.

Рязанцев кивает: знал, что так ответят. Открывает папку.

Читает:

— В вещах покойного — квитанция «Ноктюрна». Тысяча шестьсот рублей. И, на отдельном листочке — фамилия с припиской: «Жданова — узнать у Виктора». Это вам что-нибудь говорит?

В коридоре

Людмила в этот момент идёт по коридору в гримёрку. На правом плече — сумка с пакетом крупы (с утра завезла соседке-старушке наверх). Поравнялась с дверью кабинета, услышала через щель: «Жданова». Замерла.

Три секунды стоит. Дыхание задержано — рефлекс, тело знает раньше головы. Слышит ещё: «...не подскажите?». Олег: «Нет, не знаю». Тишина. Снова Олег: «Хотите, я Виктора Валерьевича спрошу?». Рязанцев: «Если можно».

Людмила идёт дальше. Не оборачивается. В гримёрке садится у крайнего зеркала, пакет крупы — на пол. Пять минут не двигается. Лицо — обычное, на работу. В правой руке — небольшой тремор, который никто из заходящих не заметит.

Маргарита и Лена

После ухода Рязанцева Олег вышел в зал. Маргарита там — в халате, кофе, листает каталог свадебной одежды, который зачем-то лежит на барной стойке. Олег:

— Слушай, к нам сейчас следачок приходил. — Из уголовки? — Из уголовки. По «Европейской». Ты Грушина не помнишь? — Я никого не помню. — Закрывает каталог. — А что он спрашивал? — Какую-то Жданову. Я о такой не

знаю.

Маргарита пожимает плечами.

— Странный, кстати. Я его на минутку видела в коридоре. Знаешь что? Я его первый раз вижу, а как будто знала.

Олег не отвечает. Идёт по своим. Маргарита, оставшись одна, смотрит ещё несколько секунд в пустоту, потом возвращается к каталогу.

Через сорок одну серию слова «как будто знала» вернутся — но в этот раз произнесёт их Рязанцев. Про Людмилу.

Солпадеин

Шесть вечера. Гримёрка. Людмила перед открытием берёт из аптечки два «Солпадеина», запивает водой. Девочки переодеваются, не обращая внимания — у Людмилы мигрень две-три раза в месяц, все привыкли.

Маргарита пришивает себе ноготь — отвалился от старого уголка на безымянном.

— Люсь, болит сильно? — Терпимо. — Ты сегодня в красном выходишь? — В чёрном. — А, ну ладно, я в красном тогда.

Людмила закрывает глаза. Считает: до выхода — восемнадцать минут. К моменту выхода таблетки начнут действовать. Свет ramпы будет резать. Это можно перетерпеть. Цирк научил.

«Имя Иры в бумаге, — думает Людмила. — Это не чужой. Это жертва. Кто-то знал, что Ира была у Виктора в Москве. Кто-то знал, что у Виктора есть прошлое. Десять лет, и вдруг

кто-то знает».

И сразу — чтобы не додумывать:

«Не сейчас. Не сейчас. Дыши».

На сцене

Свет жёлтый, оранжевый, белый. Все цвета режут одинаково. Музыка — медленная, ритм вшит в череп. Людмила работает в ритме, не на ритме. Тело знает каждое движение наизусть; голова отдельно — пульсирует.

В зале — обычные мужчины в пиджаках, человек на двадцать. Один — пожилой, в очках, смотрит спокойно, без жадности. Один — пьяный, скандалит у барной стойки, его быстро уводит Андрей.

После номера Людмила за кулисой пропускает паузу, переводит дыхание. Тамара подходит:

— Люсь, к тебе кто-то спрашивал. Говорит — старый знакомый. — Кто? — Не знаю. Подойдёт сам, наверное.

Никто не подходит. Людмила работает дальше.

В такси

После смены она в такси. Жигули шестой модели, водитель молчаливый. Едут по набережной Невы — сейчас, к концу сентября, вода чёрная, в фонарях рябит.

— На Васильевский, по 6-й линии до тридцать четвёртого.

Молчание. В мигрени остался хвост — пульсация в правом виске. Людмила прижимается лбом к холодному стеклу. Смотрит на воду. Думает: «Уехать. В Саратов. К матери в

интернат. На Мадагаскар. Куда угодно. Сколько я ещё буду рядом с Виктором».

Знает, что не уедет. Знает, почему. Знает, что Катя уже в гримёрке. Что у Кати завтра вторая смена с Карасём.

Доехала. Расплатилась. Зашла в подъезд. Лестница — пятый этаж, без лифта, хромота даёт о себе знать. Поднимается. Не торопится. На четвёртом — короткий привал у перил. На пятом — дома.

Ника

Гримёрка. Шесть вечера. Ника пришла с десятиминутным опозданием — в чёрной кожаной куртке поверх халата, с сигаретой в зубах. Двадцать шесть лет. Светло-крашенная, корни тёмные, татуировка на запястье: иероглиф (когда спрашивают, говорит — «удача», но никто не проверял). С Катей не здоровается принципиально — это её манера со всеми новенькими.

Идёт по гримёрке, проходя за Катей. Демонстративно «случайно» задевает её плечом — Катя сидит, делает себе ресницы, дёрнулась, тушь смазалась под глазом.

— Извините, — говорит Катя автоматически.

Ника останавливается, оборачивается:

— Извиняйся.

Катя молчит. Ника:

— Ну? Я жду.

Маргарита у соседнего зеркала перестаёт красить губы. Не вмешивается, но смотрит.

Катя глотает:

— Извините. Извините меня.

— Громче.

— Извините меня.

— Ладно. — Ника усмехается. — В следующий раз сама смотри, когда я иду.

Идёт дальше. Маргарита возвращается к губам. Катя берёт ватный диск, стирает потёкшую тушь под глазом. Руки у неё трясутся. Тушь продолжает течь.

Несуществующий клиент

Через полчаса Ника подходит к Кате уже почти ласково — это её вторая ступень.

— Слушай, мать, я тебе хочу сказать одно. Тебя сегодня просили из второго стола. Богатый дед. Сказал — новенькую. Лена не объявит, у неё свои предпочтения. Будет тебя в третий стол подсаживать. А ты иди во второй. Понятно?

Катя кивает. Ника отходит, садится у себя — Катя видит, как Ника украдкой, в зеркале, наблюдает.

«Странно, — думает Катя. — Только что плечом, а теперь — по-доброму». Не знает, что во втором столе никого нет. Что Ника сейчас сделает: идёт в зал, садится сама ко второму столу — там старичок-завсегдатай Анатолий Иванович, которого Ника по-свойски обняла. Когда Катя наконец решится подойти — Ника откажет за столиком: «Девочка, мы тут договорились уже». А Лене скажет: «Катя сама полезла к моему клиенту».

Гримёрка после смены

Лена влетает:

— Кать, что у тебя с Никой? — Ничего. — Ты в Аркадия Ивановича лезла? — Нет, она мне сама сказала, что меня позвали. Лена замолкает. Смотрит на Маргариту. Маргарита у зеркала: — Ник пасть закрой, или я тебе её закрою.

Ника смеётся. Демонстративно. Берёт сумку — уходит. На пороге гримёрки — оборот:

— Я тебя ещё научу, девочка.

И ушла. Катя сидит. Маргарита кладёт ей руку на плечо — впервые. Не говорит ничего.

Уход следователя

Утро. Рязанцев в кабинете Олега заканчивает разговор с Виктором — Олег вытащил Виктора по телефону из Москвы, в спикерфон. Виктор сухо: «Жданова — это не наша. Я никогда не слышал такой фамилии. Грушина — тоже. Извините, ребята». Положил.

Рязанцев кивает Олегу: «Понял. Спасибо за сотрудничество». Закрывает папку. Идёт к двери.

На пороге — оборачивается. Молчит. Смотрит на стол Олега, на папку, на пол. На фотографию взвода в рамке (висит на стене над креслом Олега). На секунду что-то задерживает, как будто надо вспомнить, и не вспоминается. Олег ждёт, что Рязанцев что-нибудь скажет. Но он говорит:

— Если что — звоните мне.

Кладёт визитку. Уходит.

Олег вертит визитку в руке. На карточке — его имя, телефон, должность. Ничего. Кладёт в верхний ящик стола, поверх всех бумаг.

Чай Лены

Гримёрка. Катя в халате, после первого подхода в этот вечер — клиент пьяный, тискал её за талию, она с трудом отделалась.

— Лен, — говорит Катя. — Можно мне чая?

Лена ставит на стол свой термос — синий, советский, с надписью «Иркутск». Наливает в крышку. Чай чёрный, крепкий, со смородиновым листом.

— На.

Катя пьёт. Лена сидит рядом, плечом к плечу. Не задаёт вопросов.

— Костя сегодня вернулся к двум, — говорит Лена через паузу. — На двери стоял. Ребята с порта пришли, говорят, на разгрузке два контейнера. Завтра у него снова смена.

Катя кивает. Думает: «У неё муж. Он на работе. Она тут. Она устаёт. И всё равно мне чай».

— Лен, — Катя говорит тихо, — спасибо.

— Пей.

Людмила со стороны

Из угла гримёрки Людмила пришивает следующую бретельку. Не вмешивается. Смотрит — Лена рядом с Катей, плечо к плечу. Думает: «У этой будет нормальная мама-сестра. У этой получится по-другому».

И сразу: «У какой „у этой“? У Кати. Я её называю „у этой“ — как Иру. Как Иру я тоже называла „у этой“».

Откладывает иглу. Сжимает левый кулак — раз, два, три. В гримёрке пахнет смородиновым листом и чьими-то духами «Шанель номер пять» — фальшивыми, которые Маргарита привозит с Сенного.

Кофе после смены

Час ночи. В ресторанном зале клуба пусто — все клиенты разошлись, девочки переодеваются. Лена и Катя сидят за дальним столом у окна, окно — глухое, с матовым стеклом. На столе — две чашки кофе и тарелка с бутербродами (Лена попросила на кухне). Хлеб уже подсох — день клонит к утру.

— У тебя шея голая, — говорит Лена, разглядывая Катю.
— Не идёт тебе так. Голая шея — старит.

Катя смеётся:

— Мне двадцать.

— А выглядишь на двадцать пять. Возьми. — Лена расстёгивает свою цепочку — тонкое золотое плетение, кулон-сердечко. — Поноси. Тебе пойдёт.

— Лен, я не могу.

— Я тебе не дарю. Я даю поносить. Потом отдашь.

Надевает Кате на шею. Цепочка холодная — всё ещё с Лениной шеи, но кожа Лены была горячеей, и теперь золото медленно нагревается на новой шее.

— Спасибо, — Катя говорит, глядя в зеркальце на свой ноготь. Смотрится. — Правда красиво.

В углу

В углу зала — Людмила. Одна. Минералка. Не пьёт — держит стакан. Видит Катю и Лену. Видит, как Лена надевает цепочку. Думает:

«Десять лет назад я Ире надела свой шарф. У неё горло было голое. Шарф был мой, с гастролей в Минске — тонкий, шёлковый, с мелким узором. Ира носила неделю. Потом я нашла его в её комнате — на стуле. Шарф остался у меня. Я его не ношу. Он лежит дома в шкатулке».

Откладывает стакан. Идёт в гардероб. Берёт пальто. Идёт к выходу через служебный коридор. У служебной двери — Андрей. Кивает Людмиле. Она кивает в ответ. Уходит.

Цепочка ушла

Лена и Катя ещё долго сидят. Лена рассказывает про Костю — как он первый раз её увидел в магазине «Гастроном» на Среднем проспекте, как пригласил на чай в Доме кино, как через две недели сделал предложение. Катя слушает. Кивает.

Через двадцать минут им ставят на стол счёт — Лена платит. Они выходят из клуба. Прощаются у метро. Катя едет домой.

Цепочка остаётся у неё на шее. Она про неё забывает на следующий день — соберётся в клуб, прихватит — и забудет, что чужая. На следующий день Ника в гримёрке, оставшись на минуту одна, заходит к Катиному шкафчику. Не ищет цепочку специально — ищет деньги. Деньги Катя держит до-

ма. А цепочка лежит на крючке вместе с другой бижутерией. Ника берёт. Кладёт в сумку.

Через шесть серий цепочка окажется в кулаке у Ники, упавшей на пол в служебном коридоре от удара Маргариты.

Ничто в гримёрке не пропадает бесследно.

Карась и Ника

Карась пришёл в среду, как всегда. Заказал Катю. Она в этот вечер была в зале — у барной стойки, слушала, как Лена объясняет новенькой, как считать чеки. Лена кивнула: «Иди, Кать, твой пришёл». Катя пошла к столу.

За столом сидела Ника. В Катином чёрном платье с глубоким вырезом — Катином, потому что они одного размера, и Ника без спроса взяла из её шкафчика. Прислонилась к Карасю. Гладила его руку. Говорила что-то тихо.

Катя остановилась. Карась поднял глаза:

— Я... я думал, тут ошибка.

Ника обернулась — улыбаясь:

— Подруга, привет. Я уже села. Ты погуляй пока. У него, оказывается, новая смена.

Катя стоит. Карась смотрит на Катю, на Нику, на свой стакан. Достает из внутреннего кармана конверт — заранее приготовленный, — кладёт на стол. Двести долларов. Ника прикрывает рукой.

— Иди, девочка, — говорит Никой. — Не мешай.

Катя идёт в гримёрку. На полпути — догоняет Лена:

— Что? — Она. Она у Карася. — Она у твоего клиента?

Лена идёт в гримёрку первая. Через тридцать секунд — Маргарита уже там.

Удар

Маргарита распахнула дверь так, что петли закрипели. В гримёрке — Тамара, две девочки переодевались, ещё одна красила глаза.

— Где Ника? — У клиента, — отвечает кто-то. — У какого клиента? — У твоей Кати, — Лена догнала.

Маргарита разворачивается, идёт обратно в зал. В зале сцены не делает — ждёт, пока Ника вернётся. Ждёт двадцать минут. Не курит. Не двигается. Андрей со стороны видит и понимает: будет.

Ника возвращается через двадцать пять минут. Конверт в кармане. Идёт в гримёрку. Маргарита заходит за ней.

— Ты у меня в ногах валяться будешь, — говорит Маргарита спокойно.

Ника оборачивается:

— Чего? Маргош, ну что ты так. Карась же сам предложил. Я его не насиловала.

— У тебя свои клиенты есть. У тебя такого, как Карась, никогда не будет, потому что ты, сука, видишь только деньги. Я тебе сказала: к моим девочкам не лезь.

— Твоя? Это твоя? — Ника смотрит на Катю, которая в углу пытается стать невидимой. — Маргош, я тебе скажу. Я её, может, ещё научу зарабатывать. А то она сосунка по сорок долларов раз в неделю качает.

Маргарита делает шаг. Ника — встречный. Маргарита бьёт. Наотмашь, как мужик. Ника падает на пол. На щеке — рассечение. Кровь на ладони.

Жест Кати

Маргарита стоит над ней. Замахивается ещё. Лена ловит руку:

— Хватит, Марго. Хватит.

Маргарита опускает руку.

В углу — Людмила. Стоит у двери. Не вмешивалась. Смотрит на Катю, которая в страхе, машинально, поправляет прядь за ухо: тонкими пальцами, снизу вверх — большим и указательным проводит по щеке к виску, заводит прядь.

В этом жесте — Ира. Не похожесть — копия. Не цвет волос, не скулы — именно жест.

Людмила забыла, зачем она пришла в гримёрку. Стоит. Молчит.

Через секунду Ника на полу хрипит:

— Я ещё вернусь.

Маргарита:

— Не вернёшься.

Идёт к умывальнику, моет руку — на костяшках кровь Ники. Под краном вода долго красная, потом — розовая, потом чистая.

После драки

Все молчат. Тамара в углу — седая, маленькая — продолжает чистить кисточки. Не вмешалась. Не вмешается.

Ника поднялась с пола. Встала у зеркала. Смотрит на щёку — рассечение под скулой, не глубокое, но кровит. Прикладывает ватку с перекисью. Сжимает кулак: что-то у неё там в кулаке. Не разжимает.

Маргарита у дальнего зеркала курит. Не смотрит ни на кого. Лена увела Катю к умывальнику — у Кати красные глаза, она пытается не плакать, но дышать получается через раз.

В гримёрке — тишина. За стеной зал, оркестр играет «Tres palabras» в ремиксе.

Автомат

Катя выходит в служебный коридор. В коридоре — окно во двор-колодец. На улице октябрь, темно, мелкий дождь. У задней двери в коридор зашёл Андрей — посмотрел на Катю, кивнул, ничего не спросил.

В коридор выходит дверь — на чёрную лестницу клуба. Лестница — вниз, на улицу. Если выйти, через арку — там телефонный автомат. Катя надевает Тамарину куртку, что висит у двери, выходит.

В автомате двушка. Набирает Выборг.

— Алло. — Катенька? — голос матери, сонный (одиннадцать вечера). — Mam, привет. — Что-то поздно, доча. Случилось что? — Нет, мам. Просто. Просто после смены звоню. На кухне у нас работа большая, я только сейчас. — Поздно работаешь. — Так платят больше, мам. — Платят-то платят. — Пауза. — Ты ешь нормально? — Ем. — Завтра свинины пожарю — приедешь же на праздники? — Приеду, мам. —

Ладно. Доча, поздно. Иди, спи. — Мам. — Что? — Я тебя люблю. — И я. Спи.

Положила трубку.

Возвращение

Катя стоит в автомате ещё две минуты. Дождь стучит по стеклу будки. Думает: «У меня была другая жизнь. Мне двадцать лет, и у меня уже была другая жизнь».

Возвращается в клуб через служебный вход. В гримёрке — всё то же. Ника всё так же у зеркала. Маргарита всё так же у своего зеркала. Тамара всё так же чистит кисти.

Никто не говорит ни слова.

Катя садится на скамью. Через минуту встаёт — пора на сцену.

В кулаке Ники, который она так и не разжала — золотая цепочка на тонком плетении.

Через час Ника уходит со смены. На следующий день она в клуб не приходит. Пропускает день. Потом два. Потом неделю. Потом — вернётся ровно на одну смену, на эту цепочку никто не глянет, и уйдёт навсегда. Через двадцать дней её мать в Луге будет искать её по знакомым.

Никто в ту ночь в гримёрке этого ещё не знает.

Аптека на Петроградской

Суббота, утро. Маргарита одна — Олег уехал в Москву на два дня. В аптеке на углу Большого проспекта и Большой Зелениной — знакомая аптекарша, тётя Вера, шестьдесят пять лет, помнит Маргариту с 1993 года.

Маргарита у полки — прокладки, тампоны, шампуни. Перешла к другой — тесты на беременность. Стоит. Отходит. Возвращается. Берёт. Кладёт. Берёт снова.

К кассе. Тётя Вера:

— Маргарит, что-то не то? — Нормально всё, Вер. Дай мне Феминестрон. И вот это. И мятные.

Тётя Вера видит, что в руках. Не комментирует. Пробирает. Маргарита платит, забирает пакет.

— Ну, удачи тебе, — говорит тётя Вера в спину.

Маргарита оборачивается:

— Спасибо.

Идёт домой пешком. Десять минут до сталинки на улице Ленина. По дороге — газетный киоск. Покупает «Спорт-Экспресс» — для Олега, чтобы на возвращении было что почитать.

Коробка в ящике

Дома. Кухня. Маргарита включает чайник — не пьёт, ставит. Кладёт коробку с тестом в ящик стола, под газеты «Аргументы и факты». Закрывает ящик. Смотрит на ящик. Открывает. Закрывает.

«Не сейчас. Завтра. После клуба. Спокойно. Без шума».

Идёт в спальню. Лежит на кровати в халате. Смотрит в потолок. Думает:

«Если плюс — буду делать аборт. Будет легче. Я прошла. Уже прошла, в восемьдесят восьмом, в роддоме на улице Ленина в Новосибирске. Плакала тогда: за что мне это, за что...

Господи. Тима. Маленький мой».

Сжимает зубы. Не плачет. Никогда не плачет, когда о нём.

«А если плюс — я не могу. Я не могу второй раз. Тима,

Тима».

Вытирает глаз. Что-то блестит в углу глаза, она это сразу убирает. Встаёт. Идёт на кухню. Выпивает рюмку коньяка из бутылки в шкафу. Возвращается в спальню. Засыпает в халате.

У двери Олега

Понедельник, вечер. Маргарита в клубе, в гримёрке. На ней — рабочий халат, на лице — макияж к выходу. До выхода ещё час.

Она идёт по коридору к кабинету Олега. Олег вернулся утром, она с ним ещё не разговаривала толком — он спал, она ушла. Сейчас, перед сценой, хочет.

Стоит у двери. Слышит из кабинета приглушённый голос Олега — он по телефону, с кем-то говорит про доставку алкоголя. Не открывает дверь. Стоит. Минуту. Две. Потом разворачивается и идёт обратно в гримёрку.

В коридоре — Тамара ей навстречу. Маргарита просит:

— Тамар, мне с лицом помоги, я что-то расплылась под глазами.

Идут вдвоём в гримёрку. Тамара мажет ей корректор. Маргарита смотрит в зеркало. В кармане халата — тест в коробке. Ещё не сделанный.

Кухня

Час ночи. Маргарита и Олег вернулись из клуба. Кухня. Олег расстёгивает рубашку, садится — устал. Маргарита моет тарелку под краном. Не разговаривают двадцать минут. Олег курит у окна. Маргарита стоит у плиты, смотрит на чайник.

— Опять куришь, — говорит Маргарита. — Опять куришь, — повторяет за ней Олег. — Не начинай.

Маргарита резко поворачивается:

— Олег. Ты всё время на работе. Ты всё время с братом. Ты всё время в этом сраном клубе. — У меня клуб. — У тебя — клуб. У меня — что? Я тебя спрашиваю — у меня — что?

Олег молчит. Маргарита продолжает, голос подымается:

— У тебя смена, у тебя брат, у тебя бухгалтерия, у тебя бл**ь «тамбовские». У меня одна вешалка в гримёрке. И всё. И мы с тобой даже не на бумаге. И никто не знает, что я с тобой. — Все в клубе знают. — Все в клубе. Конечно. А мать твоя в Калининграде знает? А Виктор твой — он же не считает меня, ну, серьёзно. Я для него — твоя девочка. Девочка, понимаешь? Я в тридцать лет — девочка.

Олег:

— Что ты от меня хочешь, Марго.

— Если не я — то кто? Если у тебя не я — то кто? Твой брат, который...

Останавливается. Не договаривает. Уходит в ванную.

В ванной

Закрывает на щеколду. Включает воду — холодную, на

полную. Шум. Стоит над раковиной. Смотрит на себя в зеркало.

«Если плюс — что я скажу. Олечка не выдержит этой новости в таком виде. Он сейчас услышит, что я ору про брата. Он подумает, что я угрожаю. Он подумает — я не хочу. А я не знаю, хочу ли. Тима, Тимка, скажи маме что-нибудь. Скажи мне — да или нет».

Глаза мокрые. Слез нет — глаза просто становятся блестящими. Это её способ плакать без слёз. В груди — узкий узел.

«Завтра. Сделаю тест завтра утром. Потом скажу. Или не скажу».

Открывает щеколду. Возвращается на кухню. Олег уже не курит. Сидит. Смотрит в окно. Не оборачивается.

Маргарита подходит сзади. Кладёт ладонь ему на плечо. Олег накрывает её руку своей. Сидят так пять минут. Не разговаривают.

Тонкая ночь

Спать ложатся в одной кровати, но отдельно — Маргарита ближе к стене, Олег на краю. Между ними — три пальца простыни.

Олег засыпает почти сразу. Маргарита не спит до четырёх. Думает.

В темноте кладёт правую руку на живот — низом ладони, плоско. Ничего там не чувствует, кроме своего тепла. Внутри — три недели или четыре. Никаких признаков. Только тошнота по утрам, которую Маргарита от себя скрывает:

«Это от сигарет. Это от Виктора. Это от плохого сна».

Засыпает в пятом часу.

Утро

Шесть утра. Маргарита просыпается. Олег спит. Она тихо встаёт. Идёт в ванную. Закрывает дверь.

Тест из ящика, из под «Аргументов». Распечатывает. Делает. Кладёт на край раковины. Засекает по часам — три минуты.

Стоит. Смотрит на трубочку. Через минуту проступает первая полоска. Через две — вторая.

Долго смотрит. Думает: ничего.

Потом — садится на крышку унитаза. Закрывает рот рукой. Тихо. Пять минут — без движения.

«Тимка. Мама придёт к тебе. Скоро. Только не бойся. Я сначала разберусь, потом приду».

Берёт тест, заворачивает в две салфетки. Кладёт в карман халата. Будет носить в кармане — пока не покажет Олегу. Пока не примет решение.

Олег уходит

Олег на кухне завтракает — яичница, чай. Маргарита делает вид, что только что встала.

— Я в клуб поехал. Виктор приедет днём, надо. — Виктор сегодня? — Да. — Зачем? — Не знаю. Приедет — узнаем. — Ладно. Я к двенадцати.

Олег надевает пальто. На пороге:

— Марго. — Что? — Ты вчера говорила... ну, «если не я

— то кто». Ну. Ты — да.

Маргарита кивает. Не отвечает. Олег уходит.

В кармане халата — коробка с тестом. И сам тест в салфетке.

Ника у кассы

В клубе — Маргарита с обеда, идёт в гримёрку. В коридоре — Ника. Не была в клубе неделю. На щеке — затянувшаяся царапина, корка. В кожанке, в платке.

Ника идёт прямо в кабинет к бухгалтерше — это маленькая комнатка рядом с кабинетом Олега, бухгалтер Алла Семёновна, пятьдесят восемь лет. Ника просит свой конверт за прошлую неделю — три смены до драки. Алла Семёновна выдаёт без вопросов.

Ника берёт конверт. Аккуратно. Пересчитывает. Не торопится. Перед уходом — поворачивается к двери. На пороге сталкивается с Маргаритой.

Молчат. Стоят друг напротив друга три секунды. Ника:

— Привет. — Привет, — Маргарита. — Я тут зарплату. — Возьми.

Ника уходит. Маргарита заходит в гримёрку. Лена в гримёрке — переодевается.

— Ник пришла? — Лена. — Пришла. Зарплату взяла. — Уходит совсем? — Видимо.

Лена замолкает на секунду:

— Маргош. Слушай. У тебя на лице — ну, как-то. — Лен. — Что? — Я не беременна. Отстань.

Лена смотрит. Ничего не говорит. Маргарита поворачивается к зеркалу. Через минуту в зеркале видит, как Людмила — сидит у дальнего зеркала, не смотрит прямо, но через зеркало смотрит на её живот. Маргарита замечает. Отворачивается, чтобы Людмила не видела, что заметила. Людмила тоже отворачивается.

В кармане халата — тест. В крайнем зеркале гримёрки — фотография Иры Ждановой. Никто не смотрит ни в карман, ни в верхний угол.

Курилка

Служебный коридор у чёрного хода — длинный, узкий, серая краска на стенах, плафон с матовым стеклом, на двери — табличка «Запасной выход». На полу — окурки в баночке от кофе «Pelé». Здесь курят все: Маргарита, Ника, Лена, иногда Андрей.

Ника с понедельника стала возвращаться. Не на смены — официально она отпросилась на месяц «по семейным» (бухгалтерия выдала). Но в клуб приходит — то за вещами в шкафчик, то «за деньгами», то — постоять в курилке. Это называется «обозначить присутствие».

Сегодня Ника в курилке одна. Кожанка нараспашку, под ней — джинсовая юбка. Курит «Магну», стряхивает в банку. Слышит шаги. Не оборачивается — знает.

— Ну чё, Маргош, — говорит, не оборачиваясь, — завидуешь, что я молодая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.